

ИТОГИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ПАМЯТИ Г.С. БАТЫГИНА

В этой рубрике мы публикуем избранные статьи участников Шестого Методологического семинара памяти Г.С. Батыгина «Эвристический потенциал социального знания: потребности общества и возможности науки» (26–27 апреля 2017 г., Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН), подготовленные на основе выступлений. Рубрика будет продолжена в следующем номере «Социологического журнала».

С.Г. КЛИМОВА, М.А. МИХЕЕНКОВА

ВОЗМОЖНОСТИ ДСМ-МЕТОДА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ГИПОТЕЗ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ)¹

Аннотация. В статье демонстрируются возможности метода формализованного качественного анализа данных (ФКАСД) — версии ДСМ-метода (JSM Method) — для формирования социологических гипотез. ДСМ-метод — это логико-комбинаторный (нестатистический) метод, использующий современные логические средства и предназначенный для анализа каузальных зависимостей между комбинациями признаков (характеристик объектов) и искомым эффектом / множеством эффектов (свойств объектов).

Климова Светлана Гавриловна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (985) 437-82-73. **Электронная почта:** sgklimova@mail.ru

Михеенкова Мария Анатольевна — доктор технических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление». **Адрес:** 119333, Россия, Москва, ул. Вавилова, 44/2.

Телефон: +7 (909) 914-92-09. **Электронная почта:** ma_mikh@bk.ru

¹ Исследование ведется в рамках проекта 15-07-02402 «а» «Интеллектуальная система для поддержки качественных социологических исследований», финансируемого РФФИ в Федеральном исследовательском центре «Информатика и управление» РАН. Руководитель проекта — д.т.н. М.А. Михеенкова.

К числу базовых идей, на которых основана философия метода, относятся принципы эмпирической индукции, структурной аналогии и абдукции (в смысле Ч. Пирса) как средства принятия гипотез. В работе представлено теоретическое обоснование и краткое описание разработанных авторами процедур ФКАСД на примере исследования политического участия. Рассматривается основной вопрос — кто такие партийные активисты в средних городах России, и дополнительный — какие группы людей могут оказаться наиболее близкими политическим активистам по критериям гражданского участия.

Причины использования в данном случае метода ФКАСД — в следующем. Во-первых, политическое участие демонстрируют крайне малые доли избирателей (и потому невозможно работать со статистиками). Во-вторых, мы имеем дело с большим числом признаков, предположительно детерминирующих искомое поведение (политическое участие) и допускаем их комплексное влияние.

Характеристики политических активистов последовательно сравнивались с характеристиками дополнительно сконструированных нами групп — *гражданские активисты, помогающие одиночки и пассивные*. В таком сравнении они становились антиподами друг другу. Наиболее нетривиальный содержательный вывод получен относительно определения респондентами собственной субъектности и субъектности сограждан. Политические активисты последовательно приписывают статус субъекта социального действия себе и отказывают в этом статусе другим. В этом отношении они соотносятся с самой слабонересурсной частью опрошенных. Гражданские активисты как антиподы политическим активистам признают статус социального субъекта за согражданами. Преимущества ФКАСД в данном и в аналогичных случаях в том, что: 1) полученные результаты не формулировались в качестве предварительных гипотез; 2) результаты дают новые направления анализа социальной активности рядовых граждан; 3) метод продемонстрировал возможность выявления социологических закономерностей на малых выборках.

Ключевые слова: формализованный качественный анализ; гипотеза; ДСМ-метод; интегральные характеристики; политическое участие; общественная работа; помогающее поведение; пассивность; субъектность; территориальный контекст.

Для цитирования: Климова С.Г., Михеенкова М.А. Возможности ДСМ-метода для построения социологических гипотез (на примере анализа политического участия) // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 3. С. 80–101. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5365

Введение

Проблема. Подчас для формулирования обоснованных предположений (гипотез), объясняющих результат, полученный в исследовании, социологам недостает данных в самом исследовании и в сопутствующих ему источниках (нормативные документы, материалы прессы и проч.). Такие ситуации возникают редко, но именно они бывают

интересными своей нетривиальностью. И напротив: подтверждения гипотез в исследовании часто получаются потому, что исследование выстроено под это подтверждение.

Если исследователь работает в рамках феноменологической парадигмы, он принципиально отказывается от предварительной категоризации объекта и объяснений феномена. Гипотезы здесь появляются либо в процессе анализа материала, либо в результате такого анализа [12, с. 352, 369]. Отказ от доопытных гипотез нужен, чтобы, как писал А. Шютц, с одной стороны, избежать фиктивного знания о «кукольном» (сконструированном) мире, а с другой — не заниматься «интеллектуальной стенографией».

Для этого нужно иметь возможность в процессе исследования перемещаться по уровням обобщений: сводить уровень своего исследования до уровня индивидуальной человеческой деятельности, а последнюю — уметь обобщать по вполне определенным правилам [13, с. 186]. Шютц предлагает эти правила. Он считает, что нужно анализировать знание здравого смысла, которое состоит из конструкторов первого порядка. Интерпретация и систематизация этих конструкторов позволяют формулировать конструкторы второго порядка, идеальные типы, составляющие научное знание. Эти конструкторы второго порядка и могут быть гипотезами. Но проблема таких обобщений при работе с результатами наблюдений, полученными в качественной методологии, в том, что мы имеем дело с большим количеством характеристик (объективных и субъективных), действующих одновременно. Для того чтобы, решая задачи обобщения, проанализировать какие-то единицы наблюдения (признаки, характеристики) на предмет установления их сходства и различия, исследователь должен придумать способ различения этих «кустов» признаков. Как правило, это делается интуитивно и в «ручном» режиме.

В отличие от наиболее распространенных стратегий качественно-го анализа, не предполагающих использования формальных средств, мы предлагаем социологам формализованный метод качественного анализа для работы с данными в случаях, когда невозможен анализ статистик. Например, когда эмпирический материал — это тексты интервью или фокус-групп, либо когда нужно анализировать небольшие по объему массивы анкет — малые выборки.

ФКАСД: определение и теоретическое обоснование. Метод формализованного качественного анализа социологических данных (ФКАСД) — это версия ДСМ-метода, адаптированная для решения социологических задач.

ДСМ-метод — логико-комбинаторный (нестатистический) метод, основанный на использовании современных логических средств и предназначенный для анализа каузальных зависимостей между комбинациями признаков (характеристик объектов) и искомым эффектом / множеством эффектов (свойств объектов). Предполагается, что эти зависимости реципрокны и не случайны. ДСМ-метод является теоретически обосно-

ванным и конструктивно реализованным аппаратом для выявления причинно-следственных зависимостей на основе эмпирической индукции, предсказания заранее неизвестных свойств новых объектов с помощью структурной аналогии и абдуктивного объяснения баз фактов (БФ).

Философия метода основана на некоторых базовых идеях (они перечислены в [3]). К числу этих базовых идей относятся принципы эмпирической индукции, структурной аналогии и абдукции (в смысле Ч. Пирса) как средства принятия гипотез. Абдукция в соответствии с идеями Ч. Пирса — это метод аргументации, в рамках которого формулируется некоторое предварительное предположение, чтобы объяснить полученный в эксперименте конкретный факт. Это предположение должно привести к дедуктивному обобщению, которое на следующем шаге может быть проверено путем эмпирической верификации данного обобщения (индукции) [10, с. 365–367]. Далее, если мы накапливаем наблюдения, подтверждающие индуктивный вывод, мы можем говорить об объяснительном потенциале абдуктивно постулированного предположения.

Президент Немецкого общества по семиотике профессор В. Нёт (W. Nöth) отмечает, что абдукция — это возможная закономерность. Он пишет, что, признавая абдукцию научным методом, Пирс противостоял позитивистскому духу своего времени, который признавал научной только прямую верификацию. Абдукция, по Пирсу, вводит в процесс научного познания воображение в качестве эвристической ценности [8, с. 21]. Развивая идеи Пирса, В. Нёт пишет, что абдукция характеризуется такими признаками, как спонтанность, оригинальность и чистая возможность. Абдукция, индукция и дедукция суть формы умозаключения. Умозаключение указывает на закономерности или устанавливает их [8, с. 22].

В основе ключевых для ДСМ-метода процедур индуктивного порождения гипотез о причинах лежит принцип сходства английского мыслителя Д.С. Милля: «Для каждого явления существует некоторая комбинация предметов или явлений, некоторое определенное стечение положительных или отрицательных обстоятельств, наличие которых постоянно вызывает это явление» [5, с. 268].

Этот принцип предполагает возможность исследования каузальности типа «структура — эффект» и может быть сформулирован как принцип каузального качественного анализа: «сходство фактов влечет наличие (отсутствие) изучаемого эффекта и его повторяемость» [1, с. 8]. Иными словами, гипотетические причины наблюдаемых эффектов представляются в виде структурного (не метрического и не статистического) сходства фактов. Соответственно, алгебраическая формализуемость сходства является необходимым условием применимости ДСМ-метода. К числу таких условий относятся также наличие в базе фактов (БФ) позитивных (+) и негативных (–) примеров изучаемых эффектов поведения и (\pm) квазисимметрия причин (существенных влияний) проявления эффектов. Последнее позволяет автоматически порождать фальсификаторы индуктивных гипотез

и может рассматриваться как основание для их абдуктивного принятия. Заметим, что причинная обусловленность здесь понимается как предрасположенность (не в вероятностном смысле) к совершению поведенческих актов (действий, установок, мнений) при отсутствии противодействующих влияний.

Познавательный процесс обеспечивается в ДСМ-методе специальным классом правдоподобных рассуждений (ДСМ-рассуждения), реализующих эвристики типа «индукция — аналогия — абдукция», и формализованными средствами бесконечнозначной логики предикатов (первого порядка для конечных моделей и слабой логики предикатов второго порядка — для бесконечных). Анализ БФ осуществляется формализованными процедурами эмпирической *индукции*, опирающимися на формальные расширения и уточнения индуктивных методов Д.С. Милля [5]. Предсказание — перенос порожденных гипотез о причинах на случаи с неопределенным исходом — представлено выводом на основе *структурной аналогии*. Объяснение же начальных данных средствами *абдуктивного вывода* Ч. Пирса означает принятие гипотез на достаточном основании. ДСМ-рассуждение состоит из последовательного и итерированного применения индуктивных выводов и выводов по аналогии, повторяющегося до стабилизации множества гипотез с последующей реализацией абдуктивного объяснения. Интеграция индукции и абдукции особенно важна для неполных (открытых) теорий.

Гипотезы о политическом участии, полученные с помощью ФКАСД

Реализацию идей Ч. Пирса в процедурных решениях ДСМ-метода и в процессе анализа социологических данных мы можем продемонстрировать на примере анализа политического участия. Формализованный анализ этой темы с помощью ДСМ-метода, — пожалуй, единственно возможный. Во-первых, потому что политическое участие демонстрируют крайне малые доли избирателей. Из 1500 человек, участвовавших в нашем опросе, заявили о своем политическом участии 4%, или 60 человек. В городах с численностью населения от 100 до 250 тыс. чел. (эта часть выборки была взята для анализа) таких оказалось 30 человек². Во-вторых, мы имеем дело с большим числом

² Проект «Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России» реализован на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 29.03. 2013 № 115-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ. Руководитель проекта — Е.С. Петренко (Фонд «Общественное мнение», ФОМ). Программа, инструментарий и аналитический отчет по проекту: И.И. Иванова (ФОМ), к.соц.н. И.А. Климов (НИУ ВШЭ), к.филос.н. С.Г. Климова (ФНИСЦ РАН), Ю.А. Кот (ФОМ), Е.В. Богомолова (ФОМ), И.В. Щербакова (ФНИСЦ РАН), Е.Г. Галицкая (ФОМ). С результатами проекта можно ознакомиться на сайте ФОМ: URL: <<http://soc.fom.ru>>, раздел «Спецпроекты».

признаков, предположительно детерминирующих искомое поведение (политическое участие) и допускаем их комплексное влияние.

Задачи исследования

Наш основной вопрос: кто такие партийные активисты в средних городах России? Если считать, что эти люди — посредники между избирателями и представителями партий в центральном и местном парламентах, то эту задачу можно считать важной. Они включены в политический процесс, а значит, как-то позиционируют себя относительно идеологических и гражданских ценностей и транслируют эти ценности тогда, когда собирают подписи или агитируют за какого-то кандидата на выборах. Политические активисты вовлечены в процессы целеполагания, формулирования образов желательного будущего для населения другими акторами политического процесса — представителями разных политических партий.

Дополнительный вопрос: какие группы людей, выделенных по критерию гражданского участия, могут оказаться наиболее близкими политическим активистам по этому критерию? Это нужно выяснять, потому что «близкие» люди с ярко выраженной социальной субъектностью могут значительно усиливать влияние той или иной политической партии. Поэтому, помимо политических активистов, мы сконструировали еще три группы. Это: 1 — *неполитические активисты (активные граждане* — члены общественных организаций, но не принимавшие участия в политической деятельности), а также те, кто не заявил о своем членстве в общественных организациях, но принимал участие в их деятельности; 2 — *помогающие одиночки* (помогали кому-либо за последний год, но не члены общественных организаций, не участвуют в их деятельности, не являются партийными активистами); 3 — *пассивные* (никому не помогают и нигде не участвуют).

Мы решили последовательно сравнить характеристики политических активистов с характеристиками трех указанных групп, чтобы понять, чем они различаются и, соответственно, каковы особенности их взаимодействия.

Начали с активных граждан. Активные граждане заинтересованы в союзе с представителями политических партий и просто с их сторонниками, потому что неформальная гражданская активность в значимых для горожан сферах жизни в идеале должна была бы иметь какие-то каналы для политического выражения в системных формах. Например, в виде каких-то заявлений политиков, программных требований, предвыборных обещаний и проч. И политическая, и неполитическая активность существуют в одной и той же смысловой и поведенческой рамке гражданского участия, но они различны по содержанию. Гражданские непартийные общественники — это наиболее активная часть населения, для которого (как это представляется в идеале) стараются политики. Это добровольцы, которые разыскивают заблудивших-

ся в лесу грибников, организуют детские праздники, убирают мусор с городских пляжей или пристраивают бездомных собак. Поэтому, если говорить о возможной мировоззренческой близости между партийными активистами и другими группами населения, допустимо считать, что партийные активисты будут наиболее близки к неполитическим активистам. Но наш анализ показал, что это, увы, не так.

Пространство признаков политического участия

Политическое участие определялось нами через индикаторы, описывающие конкретные действия респондента, которые характеризуют его включенность в политические события. Как уже говорилось выше, о своем политическом участии заявили лишь 4% из 1500 человек, участвовавших в опросе (60 человек). Половина из них (30 человек) проживает в городах с численностью населения от 100 до 250 тыс. чел. Малое количество партийных активистов, попавших в выборку, не позволяет на основе данных статистики описать их социальный статус, особенности мировоззрения, локализации в географическом пространстве. И это, как отмечалось, — первая причина нашего обращения к возможностям ФКАСД.

Таблица 1

Вопрос: «Скажите, пожалуйста, что из перечисленного Вам доводилось делать за последние год-два?» (карточка, любое число ответов)

Индикаторы политического участия	% опрошенных в группе	
	все N=1500	города от 100 до 250 тыс. чел. N=401
интересоваться политикой, обсуждать с окружающими политические темы	8	7
быть наблюдателем на выборах	3	4
участвовать в деятельности политических партий	2	2
собирать подписи в поддержку конкретного политика, политической партии, агитировать на выборах	2	3
работать в составе участковой избирательной комиссии	1	1
участвовать в политических демонстрациях, пикетах, митингах в поддержку политика, партии и т. п.	1	2
жертвовать деньги кандидатам / партиям на выборах	0	0
участвовать в протестных политических митингах, демонстрациях, пикетах, голодовках и т. п.	0	1
все перечисленное	0	0
ничего из перечисленного	85	85
затрудняюсь ответить	1	1

Перечень дел, которыми занимаются респонденты, участвующие в политическом процессе, показывает, что это главным образом обсуждение политических событий либо деятельность в рамках избирательных кампаний для партий, участвующих в выборах, а значит, имеющих легальный статус и работающих в центральном и местном парламентах (табл. 1).

Судя по тому, что доля участников протестных митингов по всему массиву не составила и одного процента, а среди опрошенных жителей средних городов — не превысила его, представителей оппозиционных партий (или других политических сил) в средних и малых городах России исчезающе мало.

Таким образом, мы можем предполагать, что попавшие в нашу выборку участники политического процесса в «глубинной России» — это в подавляющем большинстве представители системных партий. Примечательно и то, что никто из партийных активистов не жертвует деньги политическим партиям.

Посмотрим теперь, что представляют собой гражданские активисты. Любопытно в первую очередь то, что, как показывают наши данные, гражданские активисты существуют в условиях «открытых границ», то есть если человек занимается общественной работой в каком-то сегменте общественной жизни, это значит, что он, скорее всего, будет замечен и в другом (см. табл. 2).

Таблица 2

Участие гражданских активистов в общественных организациях
(на массиве 401 респондента), чел.

Сегмент гражданской активности	Самопомощь	Самоуправление	Профессиональные ассоциации (профсоюзы)	Правозащитные организации	Объединения по интересам
самопомощь	28	10	8	1	14
самоуправление	10	44	14	3	14
профессиональные ассоциации (профсоюзы)	8	14	24	0	9
правозащитные организации	1	3	0	7	1
объединения по интересам	14	14	9	1	33

Таблица 2 читается так. Первый столбец: в выборку попало 28 человек, участвующих в деятельности общественных организаций самопомощи. Из этих 28 человек 10 человек наряду с деятельностью по самопомощи участвуют в каких-то общественных органах самоуправления; восемь — в работе профессиональных ассоциаций; один — в правоза-

щитной деятельности и 14 — собирают марки, поют в хоре или занимаются еще чем-то подобным. Аналогично читаются остальные столбцы.

Напомним, что все активисты так или иначе участвуют в деятельности не одной организации, но не участвуют в деятельности, связанной с политикой. Участники политического процесса не включены в деятельность общественных организаций. Стоит подчеркнуть, что это свойство лишь нашего массива данных и не означает общей закономерности.

Мы сконструировали массив таким образом для того, чтобы понять, чем отличаются люди, вовлеченные в политику, от людей, участвующих в разнообразных формах общественной жизни в «глубинной России» — в средних городах. И первые и вторые существуют в рамках сходной обобщенной ценностной установки на социальную активность, но выбирают разные стратегии. Вероятно, существует разница в наборе социальных ресурсов в сочетании с мотивами и контекстом действований. Попытаемся ответить на вопрос, какие это сочетания.

Мы предполагаем, что люди, демонстрирующие политическое участие, отличаются от своих «антиподов» (в нашем случае — гражданских активистов, не занимающихся политической деятельностью) некоторым сочетанием характеристик личности (объективные признаки и мнения). В терминологии ДСМ-метода «антиподы» являются (–)-примерами изучаемого эффекта. Помимо этого, как мы предполагаем, особенности гражданского поведения определяют отчасти некоторые параметры территориального контекста, которые мы обозначаем как «ситуацию».

Соответственно, в набор потенциальных детерминант политического / неполитического участия были включены следующие признаки.

— Характеристики респондентов: возрастная группа, пол, образование, род занятий (работающие, неработающие пенсионеры, неработающие трудоспособного возраста, студенты).

— Мнения, оценки, характеризующие некоторые аспекты гражданской позиции респондентов:

- 1) удовлетворенность работой властей;
- 2) приписывание жителям города качеств субъектности / отрицание этих качеств (представления о готовности жителей объединяться для решения городских проблем; мнение о том, могут ли общественные организации, инициативные группы граждан решить какие-то проблемы города; представление о том, могут ли окружающие отстоять свои права);
- 3) мнения о наличии либо отсутствии острых противоречий между отдельными категориями граждан);
- 4) принятие на себя ответственности за происходящее в доме, во дворе;
- 5) принятие на себя ответственности за происходящее в городе;

- 6) мнение о возможности либо невозможности доверять большинству людей и / или окружающим;
- 7) представление о себе как о человеке, стремящемся (или нет) сделать карьеру.

Политическое участие или неполитическое гражданское участие происходит в некотором территориальном контексте (параметр ситуации).

Территориальным контекстом (ситуацией) в данном случае мы называем совокупность специфических социально-экономических характеристик зоны проживания респондента. При этом «зона проживания» понимается в узком (конкретный населенный пункт — точка опроса) и в широком (в нашем случае — регион) значениях.

— Характеристики территориального контекста (ситуации), включенные в анализ:

1. Численность населения от 100 до 250 тыс. чел. В выборку вошли города: Королев, Подольск, Серпухов, Обнинск, Энгельс, Черкесск, Батайск, Березники, Миасс, Бийск, Ачинск, Абакан, Южно-Сахалинск, Пушкино.
2. «Зарплата» — среднемесячная номинальная начисленная зарплата (СННЗ) для городов от 100 тысяч населения (руб., Росстат, 2011). Населенные пункты разделены на две категории по размеру СННЗ: 1 — до 23 000 руб., 2 — свыше 23 001 руб.
3. Функциональные особенности города:
 - 1) «центр субъекта РФ» — наличие статуса³;
 - 2) «центр муниципального района» (Росстат, 2013);
 - 3) «городской округ» — наличие статуса (Росстат, 2013);
 - 4) наукоград (ФЗ «О статусе наукограда», 2008);
 - 5) моногород (Приказ Минэкономразвития, перечень по состоянию на 26 июля 2013 г.);
 - 6) историческое поселение (приложение к «Федеральной целевой программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)», 2002).

7. Демографические характеристики города:

миграционный прирост / убыль для городов от 100 тысяч населения (чел., Росстат, 2011).

Таким образом, мы имеем дело с большим количеством признаков, которые предположительно детерминируют политическое участие, а также допускаем их комплексное влияние. Это является вторым основанием для применения ФКАСД.

Гипотезу о существовании отдельного типа социального актора, занимающегося политической деятельностью (в отличие от того,

³ Здесь и далее в пунктах 4–8 наличие статуса закодировано как «1», отсутствие — «0».

который такой деятельностью не занимается), следует дополнить еще рядом гипотез.

1. У нас нет оснований считать одни признаки более значимыми, то есть сильнее влияющими на искомое поведение, чем другие. Поэтому изначально мы считаем все признаки равнозначными. Однако некоторые из них будут встречаться во многих сочетаниях, а другие будут появляться довольно редко, в немногих сочетаниях. Поэтому в результате анализа мы, возможно, придем к выводу, что часть признаков в большей степени детерминирует искомое поведение (политическое участие).

2. Вероятно, тип политического активиста будет включать некоторое количество подтипов, различающихся между собой. О существовании подтипа будет свидетельствовать устойчивое ядро, состоящее из некоторого сочетания признаков, иногда дополненного другими признаками.

3. Вероятно, некоторые признаки не попадут в каузальные сочетания. Это будет означать, что мы напрасно приписали этим признакам детерминирующую роль и их следует исключить из модели объяснения данных на следующем этапе анализа.

Результаты эксперимента

К результатам эксперимента важно дать несколько пояснений.

Содержательный результат работы метода мы получаем в виде «деревя гипотез» (визуализация «деревя» предусмотрена в интерфейсе компьютерной системы JSM-Socio⁴). Гипотеза — это сочетание признаков, свойственных некоторому количеству респондентов («родителей»), иными словами — причинная комбинация. Признаки могут быть «ядерными», если встречаются у всех «родителей», и «периферийными», если встречаются у некоторых из них. Вторые представляют собой подтипы, содержащие дополнительные характеристики, делающие гипотезу содержательно более богатой.

Все гипотезы предьявляются в следующем порядке: во-первых, от наиболее распространенного типа к наименее распространенному (определяется по количеству «родителей»), и во-вторых — по порядку присвоенных в ходе анализа номеров.

Стоит сказать, что не все признаки, включенные в анализ, оказываются «работающими», то есть дают информативные сочетания, отличающие один поведенческий тип от другого.

⁴ Свидетельство о государственной регистрации № 2013614978 «Компьютерная интеллектуальная система для качественного анализа социологических данных (JSM-Socio)». Правообладатели — Российский Государственный Гуманитарный университет, Всероссийский институт научной и технической информации РАН. Дата регистрации — 24 мая 2013 г. Разработчики: д.т.н. В.К. Финн, д.т.н. М.А. Михеенкова, к.ф.н. С.Г. Климова, к.т.н. А.Ю. Волкова.

Кроме того, один и тот же респондент может быть представителем нескольких типов. Иными словами, некоторые признаки, носителем которых является человек, могут входить в одну причинную комбинацию (гипотезу), а некоторые — в другую. Причинные комбинации могут быть более или менее однородными. Некоторое число признаков (ядерные) могут входить в довольно большое число гипотез, и эти признаки дополняются другими, которые мы назвали периферийными. Сочетание ядерных признаков дает нам некоторое основание объяснительной модели, которое дополняется нюансами, содержащимися в периферийных признаках. Содержательно различающиеся сочетания признаков дают возможность построения типологии. Количество типов заранее предсказать трудно.

Политические активисты как антиподы активных граждан

Политические активисты

Для описания политических активистов как антиподов активных граждан работающими оказались признаки, характеризующие некоторые (но не все, включенные в анализ) свойства контекста. Это:

- некоторые административные особенности поселения (расположенность в зоне агломерации до 110 км от областного центра, либо статус центра муниципального района, либо статус городского округа);
- среднемесячная начисленная заработная плата, «миграционный прирост» и «валовой региональный продукт».

Все вместе или по отдельности эти признаки присутствуют практически во всех гипотезах. В совокупности они описывают не слишком урбанизированное поселение, объединенное скорее административными, а не экономическими или другими связями. Это административный, а не транспортный, научный, культурный или другой центр (функциональные признаки поселения не вошли в результирующие сочетания). Таким образом, все политические активисты действуют в пределах зоны административного влияния. Чем дальше от начальства, тем их присутствие менее заметно. Возможно, впрочем, они ездят и «в глубинку» в периоды предвыборных кампаний. Важно и то, что низовые партийные активисты проявляют себя в сравнительно благополучных в материальном отношении поселениях.

Итак, контекстным признаком, формирующим результирующую гипотезу о типе политического активиста, является сравнительно благополучное поселение с осязательным административным влиянием.

Весьма содержательны и сочетания признаков, описывающие некоторые социально-демографические характеристики респондентов и их самопрезентации, а также представления об окружающих. Эти люди описывают себя как готовых объединяться с другими для защиты своих прав; чувствующих ответственность за происходящее в городе, в доме, во дворе; помогающих другим. Вместе с тем они весьма скептически оце-

нивают готовность сограждан объединяться для совместных действий; их способность отстаивать свои права; способность повлиять на власти.

Эта же модель (приписывание статуса ответственного и активного гражданина себе и отрицание этого статуса у окружающих) дополняется гипотезами, в которых появляется тема доверия. Но не всем, а только окружающим. Наши политические активисты согласны с тем, что окружающим можно доверять. Но большинству людей доверять нельзя. Локальное (в противоположность универсальному) доверие не противоречит другим входящим в эту модель признакам.

Еще несколько гипотез содержат фрагменты этого же комплекса признаков в сочетании с указаниями на пол (женский) и материальное положение (люди среднего достатка).

Мы назвали этих политических активистов «прогрессорами», потому что они приписывают себе способность к социальному действию, отказывая в этой способности другим.

В других гипотезах некоторые из перечисленных признаков сочетаются с признаком, формирующим два подтипа. Это отношение к властям. Тех, кто недоволен работой властей, мы назвали *оппозиционными прогрессорами*. Стоит уточнить, что оппозиционность прогрессоров весьма условна, поскольку она никак не проявляется (возможно, мы не нашли нужных индикаторов), если не считать молчаливого недовольства.

Другому типу — тем, кто доволен работой властей, — мы дали имя *провластные прогрессоры*. Но этот тип встретился нам только в одном сочетании. Тем не менее, поскольку эта позиция существенна для описания типов политических активистов, мы включаем эту группу в анализ.

Активные граждане

Группа респондентов, которых мы причислили к антиподам политических активистов, — это неполитические активисты (активные граждане). В нашем случае мы взяли для сравнения с политическими активистами людей, которые демонстрируют гражданскую активность в самых разных сферах (самопомощь, благотворительность, досуговые увлечения и проч.), но не участвуют в политической деятельности. Для сравнения с политическими активистами мы вначале взяли по отдельности тех гражданских активистов, которые имеют фиксированное членство в общественных организациях, и тех, кто не имеет такого членства, является лишь добровольным помощником. Но в сопоставлении с политическими активистами они не обнаружили выраженных различий, поэтому мы их объединили в один массив. Впрочем, сам по себе факт, что между «системными» и «несистемными» активистами в некоторых базовых мировоззренческих позициях не обнаружилось заметной разницы, любопытен. Он означает, что существует довольно интенсивный кадровый и мировоззренческий обмен между «систем-

ными» и «несистемными». Это не та пропасть, которая была при советской власти между, например, членами Хельсинкской группы и членами ДОСААФ.

Для описания контекста деятельности активных граждан значимыми оказались те же его характеристики, что и для деятельности политических активистов. Это: зона агломерации до 110 км; неисторическое поселение; СННЗ выше 23001 руб.; миграционный прирост. Это значит, что и первая и вторая группы действуют в сходных социально-экономических условиях.

Наш анализ связи гражданской активности жителей средних городов с особенностями территорий соотносится с результатами, полученными И.В. Щербаковой на всем массиве данных в 1500 человек, но с помощью регрессионного анализа [14]⁵. И тот и другой подходы показали, что существует прямая связь между ресурсами территории и гражданским участием. Похожи по степени включенности в общественные дела и выделившиеся группы [14, с. 25]. Но тип политических активистов, в силу его малочисленности, у И. Щербаковой не выделился. А нас эти люди интересовали особо. Поэтому мы, конструируя группы антиподов, учитывали результаты, полученные И. Щербаковой, и ставили дополнительные задачи. В частности, нам удалось найти характеристики выделенных групп, которыми они отличаются друг от друга; эти характеристики существуют не по отдельности, а в определенных сочетаниях. Малочисленность группы у нас не была преградой для такого анализа.

Это работающие граждане среднего достатка, иногда — мужчины (напомним, что в сочетаниях признаков, описывающих политических активистов, встречается только женский пол). Это значит, что среди политических активистов вероятность встретить женщин выше, чем среди несистемных неполитических активистов.

Самопрезентации активных граждан похожи на самопрезентации политических активистов. Они говорят о себе как о людях, готовых объединяться с другими для защиты своих прав, помогающих другим. Так же, как и политические активисты, активные граждане склонны доверять окружающим, но не большинству людей. Это значит, что и те и другие живут в сходном социально-психологическом пространстве локальных идентичностей.

Но есть и существенная разница в самопрезентации. В отличие от политических активистов, активные граждане заявляют, что они чувствуют ответственность за происходящее в доме, во дворе, но не в городе. Напомним, что политические активисты говорили, что чувствуют ответственность и за происходящее в городе тоже.

⁵ Данная статья И.В. Щербаковой опубликована в этом номере, с. 64–79. — *Прим. ред.*

Наш опыт анализа материалов интервью и фокус-групп на эту тему позволяет предположить, что для активных граждан эта ответственность — не «чувство-переживание», а конкретная деятельностная позиция. Например, в своем доме или во дворе они могут устроить клумбу, газон, детскую площадку, а сделать что-то для города в целом — нет. Возможно, впрочем, что ответственность политических активистов за дела в городе тоже основывается на конкретных действиях, но мы не имеем данных на этот счет.

Самое радикальное отличие активных граждан от политических активистов — то, что они считают сограждан субъектами социального действия. Они уверены, что жители: способны повлиять на власти, отстаивать свои права, могут решить некоторые городские проблемы.

В отличие от политических активистов, где мы выделили два подтипа (оппозиционных и провластных прогрессоров), у активных граждан нет подгрупп, поскольку не оказалось признаков, значимых в контексте отношения к властям.

В политологической литературе мы не нашли прямых подтверждений нашей гипотезе о различиях между политическими и неполитическими активистами (активными гражданами) по признакам приписываемой ими субъектности жителям города. Но есть довольно много косвенных свидетельств, расширяющих наш вывод. В частности, исследователи Института социологии РАН отмечают, что традиционные механизмы политического представительства перестают работать в современном обществе. Многие люди не считают, что политические партии представляют их интересы. Появляются новые каналы выражения интересов, новые сферы деятельности, новые формы участия [9]. Неудивительно, что партийные активисты не видят заинтересованности граждан (наиболее активной их части) во взаимодействии с партиями, но видят равнодушие к их деятельности и программным положениям. Они воспринимают такую позицию как пассивность и полагают себя единственными носителями активной жизненной позиции. Специалисты считают, что современные формы гражданского участия могут рассматриваться как политическое участие в широком смысле, поскольку используют давление на представителей политической власти для решения социальных, экологических и прочих проблем. Такая деятельность предполагает «этику ответственности» за ситуацию в выбранной сфере жизнедеятельности [9, с. 520]. Сейчас уже идет речь о том, что меняются сами паттерны представительства и участия [9, с. 521]. Далее отмечается, что именно общественные организации, а не политические партии смогут представлять интересы групп граждан, способных осознать свою идентичность, донести свои требования до власти и проконтролировать их исполнение [9, с. 533].

Но есть в наших данных, описывающих политических активистов, еще один аспект, который, кажется, ускользает от взгляда политических аналитиков. Это демонстрация политическими активистами собственной

значимости, влияния, состоятельности на фоне несостоятельности сограждан, в том числе и вполне социально активных. Наш опыт изучения деятельности свободных профсоюзов (не входящих в Федерацию независимых профсоюзов России) показывает, что это выглядит примерно так: профсоюзники — не партнеры партийным активистам, а «младшие братья», просители, которые могут «прийти на прием» и поговорить о своих нуждах. А дальше — как получится: эти «нужды» могут быть учтены или нет в зависимости от политической конъюнктуры. Примечательно, что такое понимание собственной роли политическими активистами транслируется «сверху вниз» и проявляется в замеченных нами синдромах. Более того, синдромы эти довольно устойчивы.

***Помогающие одиночки и пассивные
как антиподы политическим активистам***

Напомним, что помогающие одиночки — это те, кто помогли кому-либо за последний год, но не члены общественных организаций, не участвуют в их деятельности, не являются партийными активистами. А пассивные никому не помогают и нигде не участвуют. Мы сравниваем с политическими активистами обе группы, потому что, с одной стороны, они мало чем различаются, но, с другой стороны, их различия весьма информативны. Это не очень уверенное признание субъектности сограждан у помогающих одиночек и полное непризнание этой способности у пассивных.

Рассмотрим подробнее некоторые характеристики этих двух групп респондентов.

В группе *помогающих одиночек* две подгруппы: работающие горожане среднего возраста и неработающие пенсионеры. Общие часто встречающиеся признаки для этих двух групп: доверие ближнему кругу при недоверии дальнему; наличие ответственности за происходящее в доме, во дворе, ее отсутствие — за происходящее в городе.

Различаются они:

- по материальному положению (есть люди среднего достатка и самые бедные);
- по возрасту (есть люди среднего возраста и пожилые);
- по отношению к властям (есть как довольные, так и недовольные их работой; как убежденные в том, что на власти можно повлиять, так и уверенные, что повлиять нельзя);
- по определению субъектности сограждан (есть и те, кто полагают, что граждане способны повлиять на власти, и те, кто придерживаются противоположного мнения; те, кто считают, что граждане могут отстаивать свои права и самостоятельно решать некоторые проблемы, и те, кто отказывают им в этой способности);
- по определению собственной гражданской позиции: есть и готовые объединяться с другими для решения общих проблем, и те, кто не готов это делать.

Пассивные никому не помогают и нигде не участвуют, не члены общественных организаций, не занимаются политической деятельностью. От других групп они отличаются тем, что среди них есть те, кто относит себя к самым бедным; живет в регионах с миграционной убылью; чаще других встречаются две возрастные группы: самые молодые (до 30 лет) и самые пожилые (пенсионный возраст); чаще полагают, что окружающим нельзя доверять; чаще отказывают согражданам в субъектности.

Таким образом, представления политических активистов об избирателях как о пассивных обывателях, не способных артикулировать и отстаивать свои интересы, можно признать действительными только для самой низкоресурсной части населения. (Вероятно, эти представления транслируются от более влиятельных, элитных групп, включенных в политический процесс, низовым партийным активистам). Этот наш вывод — всего лишь предположение, сделанное на основе анализа небольшой группы людей, которое требует проверки другими методами и другими исследователями. Эта задача представляется весьма актуальной, потому что утверждения о «консервативном патерналистски настроенном большинстве населения» объявляют «несомненными» некоторые политические идеологи и аналитики [11, с. 3]. Мы ставим эти утверждения под сомнение, формулируя альтернативное мнение о дифференциации российского общества по критерию гражданского участия.

Второй наш вывод — о заметном присутствии в идеологии и практике российского «политического класса» отрицания у сограждан качеств субъектности. Это отрицание объединяет и оппозиционных, и провластных участников политического процесса. Возможно, оно отражает озабоченность собственными карьерными возможностями, но у нас недостаточно данных, чтобы это проверить.

Выводы

Методический вывод касается определения места нашей методики Формализованного качественного анализа социологических данных в ряду подобных методик. ДСМ-метод чаще всего сравнивают с качественным сравнительным анализом (Qualitative Comparative Analysis, QCA [15; 16]), широко распространенным в западной социологической практике и реализованным в пакете компьютерных программ. Однако авторы ДСМ-метода и специалисты, предоставившие научной общественности результаты сравнения этих двух методов, говорят о том, что формальные средства ДСМ-метода значительно более развиты по сравнению с QCA, а потому обеспечивают и значительно более широкие возможности воспроизведения исследовательских процедур [6, с. 193–213; 4].

Возможно, некоторые принципы работы метода похожи на разработки (программный комплекс Лекта), которые ведет А.А. Иудин с коллегами в Нижегородском университете им. Лобачевского [2]. Но, судя по публикациям, которые есть в нашем распоряжении, он сравнивает не

одновременно две группы антиподов, а последовательные массивы данных. Один из наших базовых принципов (хорошо сработавший в данном эксперименте) — запрет на контрпримеры. Он означает, что какое-то сочетание признаков считается влияющим на искомую характеристику лишь тогда, когда отсутствует то же самое сочетание признаков, описывающих респондентов (их объективные характеристики, установки и ситуацию), демонстрирующих альтернативное поведение. Если такое же сочетание признаков для противоположного эффекта есть, оно автоматически исключается из объяснительной модели.

Наиболее нетривиальный содержательный вывод касается определения собственной субъектности и субъектности сограждан в анализируемых группах. Политические активисты *последовательно приписывают статус субъекта* социального действия себе и отказывают в этом статусе другим. В этом отношении они соотносятся со слаборесурсной частью опрошенных. Активные граждане (как члены общественных организаций, так и те, кто не имеет формального членства), в отличие от политических активистов, приписывают горожанам статус субъектов социального действия и заявляют о своей собственной готовности участвовать в решении городских проблем и объединяться с согражданами. Как и следовало ожидать, активность горожан соотносится с развитостью поселения.

Эти характеристики гражданских и политических активистов не были предметом специального рассмотрения аналитиков. ФКАСД позволил их выявить. На наш взгляд, приписывание согражданам качеств субъектности или отказ в субъектности — это важная мировоззренческая характеристика, которая может стать предметом дальнейшего специального изучения разных групп, включенных в гражданское участие в разных формах. Размышления российских политологов на эту тему лишь косвенно затрагивают выявленный нами феномен. И понятно почему: на данных массовых опросов с помощью статистических методов обнаружить его затруднительно. С помощью ФКАСД можно включать в процедуру анализа и признаки контекста.

Отметим, что предлагаемые средства ФКАСД не могут заменить содержательной работы исследователя-социолога, а представляют собой лишь инструмент автоматизированной поддержки научных исследований и способствуют объективизации социологических исследований с помощью современных информационных технологий [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арский Ю.М., Финн В.К. Принципы конструирования интеллектуальных систем // Информационные технологии и вычислительные системы. 2008. № 4. С. 4–37.
2. Иудин А.А. Комплексный анализ социальной ситуации в типологии социологических исследований // Ядовские чтения: перспективы соци-

- ологии: Сборник научных докладов конференции. СПб., 14–16 декабря 2015 г. / Под ред. О.Б. Божкова, С.С. Ярошенко, В.Ю. Бочарова. СПб.: Эйдос, 2016. С. 361–367.
3. *Климова С.Г., Михеенкова М.А., Финн В.К.* ДСМ-метод в качественном социологическом исследовании: основные принципы и опыт использования // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 2. С. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.2.4255
 4. *Кученкова А.В.* Логико-комбинаторные методы анализа социологических данных: эвристический потенциал и методическая специфика: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012. — 25 с.
 5. *Милль Д.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Ред.: В.Н. Ивановский; Предисл. и прилож. В.К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2011. — 828 с.
 6. *Михеенкова М.А.* О формализованных эвристиках качественного анализа социологических данных // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Информатика. Информационная безопасность. Математика». 2010. Вып. 12 (55). С. 193–213.
 7. *Михеенкова М.А., Финн В.К.* ДСМ-метод автоматизированной поддержки научных исследований как инструмент интеллектуального анализа данных в социологии // Материалы V Всероссийского социологического конгресса (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.). М.: Российское общество социологов, 2016 [электронный ресурс]. С. 8171–8184. [DVD ROM]
 8. *Нёт В.* Чарлз Сандерс Пирс / Пер. с нем. Н. Сироткина // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3/4. С. 5–32.
 9. *Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Кертман Г.Л., Клеман К.М., Машезерская Л.Я., Мирясова О.А., Павлова Т.В., Хлопин А.Д., Цыпина Г.А.* Доверие, гражданское действие, политика: опыт «старых» и «новых» демократий / Электронная библиотека «Гражданское общество в России» [электронный ресурс]. Дата обращения 14.02.2017. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Doverie_gragdanskoe_dejstvие.pdf>.
 10. *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. — 448 с.
 11. *Рогов К.* Политическая реакция в России и «партийные группы» в российском обществе // Контрапункт. Журнал о политике и обществе. Декабрь 2016. № 6 [электронный ресурс]. Дата обращения 14.02.2017. URL: <www.counter-point.org>.
 12. *Семенова В.В.* Качественные методы в социологии // Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Учебное пособие. 3-е изд. М.: Омега-Л., 2007. С. 346–408.
 13. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2003. — 336 с.
 14. *Щербакова И.В.* Особенности территории проживания как фактор гражданского участия // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 3. С. 64–79.

15. Configurational Comparative Methods. Qualitative Comparative Analysis (QCA) and related techniques (Applied Social Research Methods) / Ed. by B. Rihoux, C.C. Ragin. Thousand Oaks, London: SAGE Publications Inc., 2009. — 209 p.
16. *Rihoux B.* Qualitative Comparative Analysis (QCA) and related techniques: Recent advances and challenges // *Methoden der vergleichenden Politik und Sozialwissenschaft. Neue Entwicklungen und Anwendungen* / Hrsg. S. Pickel, G. Pickel, H.-J. Lauth, D. Jahn. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. P. 365–385. DOI: 10.1007/978-3-531-91826-6_18.

Дата поступления: 27.06.2017.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL.

2017. VOL. 23. No. 3. P. 80–101. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5365

S.G. KLIMOVA

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation.

M.A. MIKHEYENKOVA

Federal Research Center “Computer Science and Control”, Russian Academy of Sciences (FRC “CS&C” RAS), Moscow, Russian Federation.

Svetlana G. Klimova — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo Str., 117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (985) 437-82-73. **Email:** sgklimova@mail.ru

Maria A. Mikheyenkova — Doctor of Technical Sciences (Dr. Sci), Leading Researcher, Federal Research Center “Computer Science and Control”, Russian Academy of Sciences (FRC “CS&C” RAS). **Address:** 40, Vavilova Str., 119333, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (909) 914-92-09. **Email:** ma_mikh@bk.ru

POSSIBILITIES OF THE JSM-METHOD FOR CREATING SOCIOLOGICAL HYPOTHESES (USING AS AN EXAMPLE THE ANALYSIS OF POLITICAL PARTICIPATION)

Abstract. This article demonstrates the possibilities of the method of formalized qualitative analysis of sociological data (FQASD) for creating sociological hypotheses. FQASD is a version of the JSM Method which is tailored to solve sociological problems. The JSM Method is a logical-combinatorial (non-statistical) method based on using actual logic tools and designed for analyzing causal relations between feature combinations (object characteristics) and the sought-for effect or a variety of effects (object properties).

The basic ideas underlying the philosophy of this method include the principles of empirical induction, structural analogy and abduction (in the interpretation of Charles Peirce) as a means of accepting hypotheses. The authors provide theoretical foundation and a brief description of the procedures they have developed.

The main investigative question is — who are party activists in medium-sized Russian cities? An additional question — what groups of people can be considered the closest to political activists based on civic participation criteria?

To answer these questions we used the FQASD method. First of all, political participation is shown by a small fraction of the voting public (which makes it impossible to use statistics).

Second — we are dealing with a great number of characteristics which presumably determine the sought-for behavior (political participation) and we assume that they might have a complex effect.

In addition to political activists, we've constructed three more groups: Civic Activists, Individual Helpers and Inactive People. The characteristics of political activists were consistently compared to the characteristics of these three groups. In such a comparison they became antipodes to each other. The most non-trivial and substantial conclusion we arrived to concerns how respondents define their own subjectivity and the subjectivity of their fellow citizens. Political activists consistently attribute social subject status to themselves and deny this status to others. In this respect they correlate with the proportion of the respondents with the weakest resource base. Civic activists, being antipodes of political activists, recognize the social subject status of their fellow citizens.

The advantages of the FQASD in this and similar cases are that: 1) the results obtained were not formulated as preliminary hypotheses; 2) the results give new directions for analyzing the social activity of ordinary citizens; 3) the method demonstrated the possibility of revealing sociological patterns in small samples.

Keywords: formalized qualitative analysis; hypothesis; JSM Method; integral characteristics; political participation; social activism; helping behavior; passivity; subjectivity; territorial context.

For citation: Klimova S.G., Mikheyenkova M.A. Possibilities of the JSM-method for creating sociological hypotheses (using as an example the analysis of political participation). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 80–101. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5365

REFERENCES

1. Arsky Yu.M., Finn V.K. The Principles of Intelligent Systems Design. *Informatsionnye tekhnologii i vychislitel'nye sistemy*. 2008. No. 4. P. 4–37. (In Russ.)
2. Iudin A.A. Comprehensive analysis of the social situation in the typology of sociological research. *Yadovskie chteniya: Perspektivy sotsiologii: Sbornik nauchnykh dokladov konferentsii. SPb., 14–16 dekabrya 2015 g.* [Yadov's readings: perspectives of sociology: a Collection of scientific papers of the conference. SPb., December 14–16, 2015.] Ed. by O.B. Bozhkov, S.S. Yaroshenko, V.Y. Bocharov. St Petersburg: Eidos publ., 2016. P. 361–367. (In Russ.)
3. Klimova S.G., Mikheyenkova M.A. The JSM-method in qualitative sociological research: the fundamentals and experience in use. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2016. Vol. 22. No. 2. P. 8–30. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2016.22.2.4255.
4. Kuchenkova A.V. *Logical-combinatorial methods for the analysis of sociological data: heuristic potential and methodological specifics. Thesis for the degree of candidate of sociological sciences*. Moscow: RSUH publ., 2012. 25 p. (In Russ.)
5. Mill J.S. *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi. Izlozhenie printsipov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya*. [A System of Logic, Ratiocinative and Inductive. Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation.] Ed. by V.N. Ivanovskii; Pref. by V.K. Finn. 5th ed. Moscow: LENAND publ., 2011. 828 p. (In Russ.)
6. Mikheyenkova M.A. On formalized heuristics for qualitative analysis of sociological data. *RSUH Bulletin. Ser. "Computer Science. Information Security. Mathematics"*. 2010. Iss. 12 (55). P. 193–213. (In Russ.)
7. Mikheyenkova M.A., Finn V.K. JSM Method for automated assistance in scientific research as a means of intelligent data analysis in sociology. *Materialy V Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa (Ekaterinburg, 19–21 oktyabrya 2016 g.)* [Proc. of V All-Russ.

- Sociological Congress (Yekaterinburg, 2016. October 19–21)]. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov publ., 2016. P. 8171–8184. [DVD ROM] (In Russ.)
8. Nöth W. Charles Sanders Pierce. Transl. from Germ. by N. Sirotkin. *Kritika i semiotika*. 2001. Iss. 3/4. P. 5–32. (In Russ.)
 9. Patrushev S.V., Aivazova S.G., Kertman G.L., Kleman K.M., Mashezerskaya L.Ya., Miryasova O.A., Pavlova T.V., Khlopin A.D., Tsysina G.A. Trust, civil action, politics: the experience of “old” and “new” democracies. *Digital Library “Civil Society in Russia”*. Accessed 14.02.2017. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Doverie_gragdanskoe_dejstvie.pdf>. (In Russ.)
 10. Pierce Ch. S. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya*. [Collected Philosophical Papers.] Transl. from Eng. by K. Golubovich, K. Chukhrukidze, T. Dmitriev. Moscow: Logos publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
 11. Rogov K. Political reaction in Russia and “party groups” in the Russ. society. *Kontrapunkt*. December 2016. No. 6. Accessed 14.02.2017. URL: <www.counter-point.org>. (In Russ.)
 12. Semenova V.V. Qualitative methods in sociology. Yadov V.A. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Uchebnoe posobie*. [Strategy of sociological research.] 3rd ed. Moscow: Omega-L publ., 2007. P. 346–408. (In Russ.)
 13. Schütz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii*. [The meaning structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology.] Comp. by A.Ya. Alkhasov; Transl. from Eng. by A.Ya. Alkhasov, N.Ya. Mazlumyanova; Ed. of translation by G.S. Batygin. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie” publ. 2003. 336 p. (In Russ.)
 14. Shcherbakova I.V. Territory of Residence as a Factor of Civic involvement. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 64–79. (In Russ.)
 15. Rihoux B., Ragin C.C. (eds). Configurational Comparative Methods. *Qualitative Comparative Analysis (QCA) and related techniques (Applied Social Research Methods)*. Thousand Oaks, London: SAGE Publications Inc., 2009. 209 p.
 16. Rihoux B. Qualitative Comparative Analysis (QCA) and related techniques: Recent advances and challenges. *Methoden der vergleichenden Politik und Sozialwissenschaft. Neue Entwicklungen und Anwendungen*. Hrsg. S. Pickel, G. Pickel, H.-J. Lauth, D. Jahn. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. P. 365–385. DOI: 10.1007/978-3-531-91826-6_18.

Received: 27.06.2017.